

Алексей Поликовский

ОСЕННИЕ ПРОГУЛКИ

Алексей Поликовский

ОСЕННИЕ ПРОГУЛКИ

Франческа
пиратское радио

Книга издана Пиратским РАДИО ФРАНЧЕСКА

<https://www.facebook.com/radiofrance>

Логотип: Даша Ротнова

Автор фотографии на обложке книги нам неизвестен.

Фотография взята из Интернета, где имеется во многих местах.

2013

I.

В полупустом трамвае, стоя у задних дверей, я доехал до конечной. Это была обыкновенная Москва и ничуть не изменившееся Садовое кольцо, так хорошо знакомое мне. Я знал здесь наизусть дома, ларьки, магазины, деревья. Я прошел мимо маленького магазина, где еще совсем недавно торговали керамическими кофейными сервизами и тарелками с наивной живописью, в стиле Шагала и Анри Руссо — теперь новая вывеска над

дверью гласила, что здесь продают португальскую обувь. На углу Садового и Пироговки вытянулся длинный ряд ларьков, за стеклами, меж бутылок с цветными этикетками, сидели, скучая, молодые люди в кожаных куртках, с курчавыми волосами и грустными черными глазами. Никто ничего не покупал. Тут все было как всегда, но дальше, на Смоленской, на другой стороне улицы, клубилась небольшая толпа. Это были остатки большого митинга, проходившего здесь днем. Асфальт на моей стороне

улицы был усыпан битым стеклом, обломками кирпичей и булыжниками.

У армейского грузовика, стоявшего под углом к тротуару, было выбито лобовое стекло. Мелкая стеклянная каша усыпала капот. В кузове валялись оторванные от бортов скамейки, перевернутые ящики. Через пятьдесят метров — еще один грузовик, тоже разбитый. Часть лобового стекла висела в раме, покрытая белой паутиной трещин. Кусок брезента над бортом был

вырезан. По другой стороне Садового, вдоль тротуара, быстро и решительно маршировал отряд человек в пятьдесят, под большим чёрно-жёлто-белым флагом. Прохожие останавливались, смотрели им вслед. Я поднялся наверх, к Калининскому. Весь спуск к мосту был усеян людьми. Слева опять брошенные автомобили — военный грузовик и голубой «Москвич» без единого стекла, с поднятым капотом и открытым багажником. Вокруг «Москвича» копошились несколько парней. Это были

мародеры. Они жадно рылись в лежащем в багажнике хламе. С мотора было снято всё, что можно — аккумулятор, бензонасос. Я пересек по диагонали широкий спуск к мосту и направился к мэрии. Обычно это место в любое время дня забито автомобилями. Сейчас здесь бесцельно и растерянно бродили сотни людей, как бы не понимая, куда делся транспорт и отчего пропала милиция.

Я стоял у высокого парапета, окружавшего мэрию. Уже

темнело. На площадке перед мэрией — резкий запах бензин. Высокие окна первого этажа были выбиты, стекло валялось на асфальте. Перед выбитыми окнами — несколько загородок. Наверху, на парапете, в две шеренги выстроился подошедший отряд. Стоя внизу, как зритель перед сценой, я внимательно и спокойно осмотрел их лица. Это были мальчишки, почти дети, в черных куцых пальто и курточках. У некоторых были достававшие им до подбородков металлические щиты, почти у всех — чёрные

резиновые дубинки и металлические прутья. Пожилой подтянутый мужчина в серой мерлушковой шапке с козырьком негромко сказал несколько слов, шеренги распались. Один из мальчиков положил щит и улегся в него, как в колыбель. Он лежал на спине в центре Москвы, вдыхал запах бензина и смотрел в звездное небо. Другой, опустившись на одно колено и картинно опираясь на дубинку, завел разговор с любопытным прохожим.

— А вы кто, ребята?

— Мы — первый пролетарский батальон.

— Как же это понять? Судя по вашему флагу, вы за имперское возрождение России?

— Да.

— А пролетариат, он интернационалист!, — хитро сказал мужик.

— В нынешних условиях России пролетариат выступает

носителем национальной идеи, — шустро затараторил мальчик. Я пошел дальше. Посредине моста, разрозненно, стояло несколько загородок, боком стоял автомобиль, вокруг бродили чёрные фигуры. Все это было как во сне. По ту сторону реки высилась громада «Украины», свет в ней почему-то не горел. На Москву в этот вечер, казалось, опустилась серая ватная мгла — сквозь неё, издалека, слабо светили редкие огоньки, разбросанные в районе Кутузовского и Калининского.

Нигде, насколько хватало глаз, не было видно ни одного движущегося автомобиля, автобуса или троллейбуса.

Я направился к Белому Дому. Здесь толпа густела и атмосфера менялась. Удивление и растерянность уступали место возбуждению и лихорадке. Ветер срывал с микрофона слова и с гулом нес их над толпой, заполнившей площадь, над баррикадами, веющими флагами и темным пустынным парком. В огромных окнах главного входа

горел свет. В темноте наверху, на балконе, угадывались фигуры ораторов. Свет в гигантских окнах первого этажа был мягкий, спокойный. Эти огромные освещенные плоскости в тёмной громаде излучали одновременно спокойствие и тревогу. Некоторое время я послушал ораторов. «Фашизм не пройдёт!» «Да здравствует правительство, сформированное по национально-пропорциональному принципу из представителей коренных народов России!» «Скажем: «Да»!, —

хрипло воззвал чей-то
воинственный голос, толпа в
темноте дружно закричала: «Да!»

Во всём — в напоре речей, в
ровном свете немногих
освещенных окон, в лицах
деловито снующих людей, в
колыхании толпы, в веянии
флагов, в голосах и улыбках,
которыми обменивались
незнакомые люди — было
ощущение общего подъёма перед
грядущей битвой. На пригорке
стоял молодой человек в очках в
роговой оправе и раздавал газету

«Оппозиция». У его ног — коричневая почтальонская сумка. «А сколько дадите», — улыбаясь большим ртом, отвечал он всем, кто спрашивал о цене. «Вообще-то себестоимость у неё двадцать рублей». В его тяжелых очках, коричневой куртке на молнии, замызганных брючках, обтягивавших худые ноги, было что-то провинциальное. Между ним и каждым, кто подходил к нему, на мгновение натягивалась ниточка душевных, личных отношений. Это ощущение единства и братства,

овладевающее людьми в момент противостояния с властью, это прямое человеческое общение незнакомых друг с другом людей, сведённых убеждениями и судьбой — было знакомо мне по событиям 1989-1991 годов. Только — лица и лозунги там были другие.

Я нырнул в тень под козырьком у подъезда слева от главного входа. У стеклянной двери, подсвеченной тусклым аварийным освещением, стоял высокий толстый человек в каске, бронежилете и высоких черных

ботинках. Бронежилет делал его полную фигуру еще более дородной. На плече, дулом вниз — автомат. В центре небольшого кружка людей — депутат Бабурин. Он был в черном костюме и одетой поверх пиджака расстегнутой куртке; в сумраке сиял крахмаленный белоснежный воротничок его рубашки.

— Сергей Николаевич, что же вы не выступаете?, — с ласковым восхищением сказал кто-то. — Вам надо выступать!

— Поговорить с балкона мы

еще успеем, — очень спокойно, с иронической улыбкой в углах рта, оказал Бабурин. Он ничего не сказал дурного о людях, говоривших с балкона, но в интонации его голоса крылось лёгкое пренебрежение человека дела к людям слова. — Прежде сделаем кое-что. А потом будем выступать. Он мягко улыбнулся в свою странную бородку. Он был гладко выбрит, при галстуке, его пышная черная шевелюра с седой прядью была идеально уложена; в его облике было ощущение несколько манерного

продуманного щегольства. Нельзя было и подумать, что он две недели провел в осажденном Доме, с отключенным электричеством и горячей водой.

— Можете располагать мной, Сергей Николаевич, — чуть выступая вперед, сказал Бабурину парень в коричневой синтетической куртке, купленной в каком-нибудь провинциальном магазине. У него были узкие покатые плечи, светлые волосы, оспины на лице и шее. — Посмотрите. Он вынул из кармана

брюк сложенный вчетверо ветхий лист бумаги. Бабурин осторожно развернул лист и, придерживая его рукой, стал читать, опустив глаза вниз. Он держал лист близко от груди и прикрывал его сбоку ладонью. Парень забрал свою рекомендацию назад и тут же вручил Бабурину еще один лист, — нечто вроде маленькой типографски напечатанной афишки. Эту депутат проглядел совсем быстро.

— Ну что ж!, — весело сказал он. — Стрелять умеете. Говорить

тоже. Поедете со мной. А позвольте-ка у вас забрать на минутку нашего полковника!, — галантно обратился он к молодой ярко-одетой женщине, рядом с которой стоял сухой рыжеватый полковник в форме с красными петлицами, с автоматом на плече. Он взял полковника под руку и, доверительно разговаривая с ним, пошел прочь.

— Ну, едете? С Богом!, — сказала Бабурину другая женщина, в сером плаще и сером шёлковом платке, с красивым

скуластым лицом.

Бабурин, не оборачиваясь, зашагал по боковой дорожке вдоль стены. Из темноты возникли и сгруппировались вокруг него несколько решительных фигур. Один обернулся — быстрый напряженный взгляд зафиксировал моё лицо. Они стали рассаживаться в «Рафик». Через мгновение «Рафик», круто вывернув колёса, исчез за углом. Ораторы на балконе по-прежнему произносили пламенные речи. Митинг шел без перерыва уже

несколько часов, с того момента, как толпа прорвала оцепление и освободила Белый Дом из блокады. Коренастый мужичок с веселым потным лицом, семеня ногами, пронес на вытянутых руках лоток с теплым хлебом и исчез за дверью. Автоматчик, охранявший дверь, добродушно улыбался. В его улыбке, в его большом толстом теле, неторопливых движениях и спокойных позах была какая-то очень большая уверенность. В темноте реяли флаги. Вокруг баррикады копошились люди,

разрывая на сувениры мотки
колючей проволоки.

* * *

— Товарищи! Нужен
опытный водитель, который мог
бы завести ГАЗ-66 без ключа!, —
провозгласили с трибуны на всю
площадь. — Просьба подойти ко
второму подъезду!

— Ну, слава Богу, кажется,
началось, — сказал парню с
оспинами на лице,
представлявшемуся Бабурину,
другой, с круглым женственным

лицом и зачесанными назад светлыми волосами. На затылке они были собраны в длинный тонкий жгут, падавший до середины спины. — Если б ты знал, как тошнит от того, чем приходится заниматься! Вот, посмотри! В руке у него очутилась белая книжечка приглашения, на которой стояло: «КГБ: вчера, сегодня, завтра». Это был билет на конференцию, устраивавшуюся бывшим диссидентом Сергеем Григорьянцем, билет, выданный ему в родном Комитете. На конференции он работал.

— Приднестровцы! Пора!, — позвал вынырнувший из темноты лысый мужчина в куртке цвета хаки, и двое двухметровых людей, тихо стоявших в стороне, по-солдатски быстро вскинули на плечи спортивные сумки и отправились. У одного на грубом лице были очки в тяжелой черной оправе. Другой, с огромными плечами и ногами, был в штормовке и грязных кроссовках. Он сутулился.

— Он приказа штурмовать Белый Дом так и не отдал, —

рассуждал мужчина. — Мы не должны это забывать. Да, блокада была, колючая проволока была, ОМОН был... но у последней черты он все-таки остановился. Поэтому я считаю, что убивать его мы не будем.

— Ельцина?, — уточнил его собеседник.

— Ну, — пожал тот плечами.

* * *

Было уже темно, когда я снова подошел к мэрии. Запах

бензина не выветривался. Брошенные грузовики стояли с поднятыми капотами, похожие на грузных гиппопотамов с жалобно разинутыми пастьями. В высоком нижнем этаже мэрии уже горел свет, по пустому вестибюлю деловито прошагали трое в зеленых униформах и в кепи. Отряда детей на парапете уже не было. Опираясь локтями на составленные в ряд решетки, стоял караул. Тут был маленький, как гном, человечек, чья голова исчезла в зеленой каске; виден был только подбородок,

обтянутый ремешком. Рядом с ним — высокий спокойный мужчина в белом плаще. — Ну, иди сюда, дочка, посмотри!, — сказал он и поднял на руки и перенес через заграждение девочку трех лет. Аккуратная девочка, в синей шерстяной шапке и красном пальто, с интересом осматривалась. Прохожие с одобрительными улыбками смотрели на мужчину, стоявшего в карауле, на фоне разбитых стекол, с девочкой на руках.

— Мы целый день дрались с

милицией, — возбужденно
рассказывал нескольким
слушателям тщедушный паренек с
черными курчавыми волосами. —
Они гоняли нас с утра. Один за
мной по кустам на Октябрьской
гонялся, да так и не догнал!, —
засмеялся он. — Они нас днем на
Октябрьской отлупили. Ну, ничего,
мы им отплатили! На Крымской
как толпа на них рванула, они как
побежали! Щиты бросали,
дубинки... Улепетывали от нас.
Каски с их голов на асфальт
летели.

Сбоку к решеткам быстро подошел молодой араб с черной бородой.

— Поздравляю! Мы с вами! Будем кончать с этим режимом!, — его распирает восторг. — У нас с вами общая борьба с американским империализмом!

— И с сионизмом!, — веско добавил мужчина в светлом плаще, крепкий, солидный, уверенный.

— Правильно! И с сионизмом!

Внизу, у разбитого окна и прорванных жалюзей, стоял пожилой мужчина в синем берете. Рядом — его жена. Прохожие заговаривали с ним.

— Что здесь такое было? Мэрию взяли, да? А кто здесь сейчас?, — в вопросах людей было жадное любопытство.

— Здесь русский народ, — многозначительно улыбаясь в усы, отвечал мужчина в берете. Он повторял эту фразу раз за разом, очень довольный. Эти слова очень нравились ему. — Здесь русский

народ!

II.

В ярко-освещённом вагоне метро, несшем меня к «Пушкинской», в поздний час людей было немного. Коричневые диванчики были полупусты. Двери расползались, редкие пассажиры входили и выходили. Пустынные, залитые светом станции метро «Октябрьская», «Третьяковская», «площадь Ногина» были очень красивы. Я смотрел в лица людей и

пытался понять: куда они едут? Поскольку я все последние часы думал только об одном, то мне, в первые минуты моей полуночной поездки, казалось само собой разумеющимся, что и все другие люди вокруг меня думают о том же. Но через несколько минут я уже сомневался в этом. Девушка в светлом плаще напротив меня читала книгу. Мужчина с лёгкой, едва намеченной щетиной дремал. Иногда он открывал глаза и угрюмо смотрел перед собой. В его взгляде была неподвижная пустота — такие взгляды бывают у

кукол. Люди в поздний час в полупустом метро были замкнуты в себе и разделены, как планеты, у каждой из которых своя орбита. Вдруг я понял, что они очень далеки от всего, что происходит на поверхности, скорее всего, даже ничего не знают об этом.

В подземном переходе на Пушкинской всё было как всегда: тусклый свет, серые стены, «Сниккерсы» и видеокассеты за стеклом ларька, суэта уголовников и оборванцев, гуляющий среди них милиционер с дубинкой, мерно

покачивающейся на боку. В жизни ночной клоаки тоже ничего не менялось. Я вышел на Тверскую у «Армении» и через десять шагов обнаружил, что поток пешеходов густеет. Десятки людей с молчаливой сосредоточенностью шагали к Моссовету. Тротуара не хватало, поток захватывал проезжую часть. На площади у Моссовета уже стояло несколько сот человек. Они стояли кучками, разрозненно, большая часть площади была пуста. Окна в Моссовете не горели, за исключением двух, за которыми не

было никакого движения. Здание казалось вымершим. Перед главным входом, под балконом, с которого когда-то выступал Ленин, на крыше автобуса скульптурно застыла группа людей. Народ на площадь всё подходил и подходил. Люди, стоявшие на крыше автобуса, передавали друг другу мегафон и произносили речи. Никто не знал, откуда автобус и что это за люди. В том, что они кричали, не было никакой информации, не было ответов на занимавшие всех вопросы: «Что происходит?» и

«Что делать?». Мегафоном завладел парень в чёрной кожанке и с бритым наголо черепом. Он пылко произносил речь, построенную по всем законам ораторского искусства и достойную войти в сборник «Октябрьские дни в Москве». «...Мы скажем им: «Фашизм не пройдет! Свобода или смерть!», — закричал он и с бешеной энергией выбросил вверх руку с двумя растопыренными пальцами. Раздался рев сотен глоток, и сотни рук поднялись вверх.

Внизу, у стены Моссовета, двое каким-то образом нашли друг друга. Один — высокий, с длинным лицом, с лысой головой, с привычкой сутулить плечи, чтобы быть поближе к собеседнику. Другой — ниже среднего роста, с манерой ходить, ступая на всю ступню и основательно перенося вес с ноги на ногу, отчего во всей его фигуре и походке появлялась большая значительность. Высокий был в черном плащике, не достававшем ему до колен, низкий в коричневой дешевой куртке на молнии.

— Я заместитель префекта центрального округа, — сказал высокий, и в его длинной ладони возникло раскрытое удостоверение. Второй внимательно посмотрел в раскрытую книжечку.

— Я полковник внутренних войск, — теперь красная книжечка возникла в его широкой, мясистой руке. Долговязый прочел, что там написано.

— Я никаких распоряжений не имею, — с улыбкой сказал заместитель префекта. —

Услышал по телевизору обращение Гайдара и пришел сюда.

— Я тоже, — кивнул полковник.

— Надо что-то делать. Люди подходят.

— Надо.

— В этот раз одними демонстрациями, как тогда в августе, не обойдется!, — сказал им парень в десантном камуфляже. — Я вечером на

Кольце видел их. Они шли брать Останкино, у них автоматы и железные прутья. Если они сунутся сюда, будет кровь. Надо организовать людей!

Заместитель префекта и полковник сумрачно смотрели на парня.

— Ты давай, командуй, полковник!, — настаивал тот. — Для начала давай соберем несколько групп и разбросаем их вокруг площади, по переулкам. Обезопасимся от внезапностей. У ТАССа, по радио сказали, уже идет

бой.

— Мясорубка там идет, — с тяжелым вздохом сказал полковник. Он сам пришел сюда и не возражал парню, призывавшему его принять командование над несколькими тысячами людей — но ничего не делал, тянул время, надеясь, что эта судьба его минует, что появится кто-то, кто по воле начальства, законно, примет командование на себя.

На балконе Моссовета появились люди. В тусклом свете

фонарей это были тени, робкие тени, но само их появление вызвало оживление в толпе. Балкон — место вождей, место лидеров, — перестал пустовать, и это значило, что руководство не дремлет, что у него есть план, что аморфная толпа превращается в боевой митинг. Лев Пономарев тут же выступил с речью. «Россия с нами... В Москву уже прибывают отряды из регионов», — уверенно говорил он.¹ «К утру фашистский мятеж будет подавлен!», — пообещал он весело и твердо.

Толпа внизу, у же
заполнившая всю площадь, уже
расширившаяся по Тверской,
взорвалась криками.

— Что в Останкино?, —
крикнули снизу.

— «Останкино» отбито!
Первая программа снова вышла в
эфир!² Рёв восторга в ответ. Крики
«ура!» То там, то тут люди
выбрасывали вверх руки со
сжатыми кулаками.

— Нам надо организоваться!,
— говорил Пономарев. — Просьба

ко всем офицерам, находящимся на площади, отойти вправо, собраться у больших ворот! Повторяю: только офицеров, состоящих на учете или на действительной службе!

Сотни людей со всех концов площади тут же стали проталкиваться к высоким воротам, за которыми был темный двор Моссовета. Они откликнулись на призыв мгновенно, без сомнений — люди, готовые встать в строй, получить оружие, вести бой на ночных улицах Москвы. Они

выстраивались длинными шеренгами на широких тротуарах Тверской. Молодые люди в камуфляжных куртках, с красно-сине-белыми повязками на рукавах, забегали вдоль рядов, деловито отдавая приказания. Группки каким-то образом выделившихся командиров собирались перед строем. Добровольцы терпеливо стояли в строю, наблюдая всю эту организационную суету. Она продолжалась и продолжалась. Уже выступили с балкона пять или шесть ораторов, уже огромная

толпа, запрудившая Тверскую, переполнилась уверенностью, что всё в порядке, что победа уже одержана, уже шел второй час ночи — но приказа всё не было, и люди, вызвавшие воевать, начинали медленно осознавать, что всю эту ночь им предстоит ждать, что война состоит из ожидания, терпения и маневров, смысл которых мало понятен человеку, совершающему их в колонне себе подобных. Однако энтузиазм и желание немедленно действовать еще распирали многих из них.

— Когда нам дадут оружие?,
— крикнул молодой полный
мужчина, стоявший в шеренге
прямо напротив человека в
светлом плаще, пришедшего из
штаба с листом белой бумаги, на
котором было напечатано на
машинке, что он «назначается
командиром отряда, действующим
в районе Белого Дома». Дальше
стояла точка, а после точки было
допечатано: «... и Центрального
округа».

— Оружия нет и не будет, —
холодно и презрительно бросил он

в ответ. — Мы захватим его в бою у врага.

— Да это понятно!, — отмахнулся молодой человек с таким видом, как будто он каждый день голыми руками отнимает автоматы у вооруженного до зубов противника. — Когда начнем? Что мы тут стоим?

— Сейчас и начнем. Из штаба подойдут, — он кивнул на освещенные окна здания напротив, где в первом этаже находился книжный магазин. — Там люди заняты делом, а не эти,

— он с усмешкой кивнул теперь на балкон. — Это нужно, конечно, тоже, чтобы людей воодушевить. Но настоящее дело предстоит сегодня нам.

В тени, у высоких ворот, не участвуя в суете, не претендуя командовать, один, стоял полковник, заложив руки в карманы куртки. Я подошел к нему.

— Ну, вот, видишь, все в порядке, — увидев меня, как старому знакомому, сказал он, неброский в своей куцей

коричневой курточке. — Все меры принимаются. Не оборачиваясь, он кивнул головой вбок, назад, за свою спину,

Живым доказательством этих мер стоял в темноте за его спиной очень уверенный в себе, очень молодой, идеально снаряженный солдат с новеньким автоматом, висящем на плече стволом вниз, в бронежилете, в каске.

— Новости есть?

— Да все в порядке. Войска уже входят в Москву. Таманская

дивизия уже в городе.

* * *

«Москвич» ринулся вниз по переулку с такой скоростью, с таким рёвом и бешенством, как будто водитель собирался протаранить им цель, лежащую где-то у горизонта. Но ехать нам предстояло метров двести. Весь проезд был заполнен людьми. На фоне темных стен и тускло освещенных витрин передвигались сотни черных силуэтов. В зрелище ночной улицы, заполненной толпой бойцов и зевак, было

что-то ирреальное. Шофер с места резко разгонял машину, но тут же так же резко тормозил, со скрипом тормозов упираясь бампером в чьи-то ноги. Свет фар вырывал из тьмы белые лица. На полпути мы были вынуждены окончательно сбавить ход — всю проезжую часть занимала шагающая вниз, к Петровке, колонна. Мы проползли вдоль колонны и остановились. На всей улице — и, возможно, во всём центре, наполненном гуляющими людьми и самостоятельно передвигающимися отрядами — наша машина была почему-то

единственной. Больше я не видел нигде ни одного автомобиля. Мы выскочили из машины.

— Что за отряд? Куда идете?,
— властно закричал шофёр. Он был молод и носил картуз.

— «Живое кольцо». Мы получили приказ идти к Свердловскому райсовету и блокировать его, — ответил командир отряда, в форме цвета хаки, с красно-бело-синей нашивкой на рукаве. Он тоже был молод — тихий интеллигентный студент, в очках, в голосе и лице

которого была большая неуверенность.

— Знаете, где райсовет?, — спросил я.

— Нет.

Он вёл двести своих людей наугад.

Я объяснил, где.

— Мы посмотрим сейчас, какие у них там силы. Есть сведения, что там баркашовцы, — сказал один из нас, невысокий

мужичок в лыжной шапочке. —
Стойте здесь и ждите.

— Хорошо. Командир отряда послушно кивнул. Он был рад подчиниться, рад, что нашелся кто-то, кто отдавал приказы. Колонна стояла терпеливо, занимая всю улицу. У людей были спокойные, даже равнодушные лица. Они уже отрешились от самих себя, уже перешли в состояние частиц, лишенных свободы воли.

Мы снова прыгнули в машину.

— Теперь неплохо бы нам познакомиться, — сказал с усмешкой мужичок в лыжной шапочке.

Мы с шофером обернулись и пожали руки тем двоим, что сидели сзади.

— Коля.

— Сергей.

— Алексей.

— Саша.

Машина прыгнула вперед и

понеслась. Каждый раз, когда впереди появлялись люди, у меня замирало в груди. Шофер тормозил в последнюю секунду. Он крутил руль и объезжал людей резкими зигзагами, прибавляя скорость там, где по всем правилам ее полагалось сбавлять.

— Ну, снаряжены мы неплохо, — поделился с нами мужичок. — У меня даже разрешение на ношение оружия есть!

— А само оружие — тоже есть?, — в том же шутливом стиле

спросил я.

— Есть!, — в голосе и усмешке его было что-то очень самодовольное. Он наслаждался ситуацией и собой. Этот пятидесятилетний семьянин, каждое утро делающий зарядку с гирями, каждое воскресенье бегающий на лыжах, в эту ночь, сидя на заднем сиденье автомобиля, летящего на выдуманную нами самими разведку к логову баркашовцев — обрел себя.

Виляя, мы объехали

нескольких зевак, осторожно продвигавшихся вниз, к Петровке. Освещенная фонарями Петровка была абсолютно пуста. Нигде не души. Окна Свердловского райсовета были темны. Я заметил, что в здании, со стороны Неглинки, есть второй выход. Конечно, пока медленно подходящие со стороны Тверской отряды будут блокировать здание по Петровке, все, кому надо, спокойно выйдут через второй выход и растворятся в ночном городе. Вдруг впереди, на углу, под фонарем, возникли две

фигуры. Мы с опаской и изумлением смотрели на них. Они неподвижно стояли на углу, в желтоватом тусклом свете фонаря, в два часа ночи. Шофер резко затормозил. Мы четверо, не сговариваясь, выскочили из машины. Мужики не шелохнулись. Они угрюмо, молча и внимательно глядели на нас, не показывая ни малейшего страха. Один держал правую руку в кармане. У них были тупые лица люмпенов и маленькие, холодные, пристальные глазки агентов наружного наблюдения.

— Чего вы тут стоите, мужики?

— А вы чего тут ездите?, — с ленивой презрительной усмешкой спросил один из них.

— Что ты руку в кармане держишь? Что у тебя там? Пушка? Ну, достань, покажи!

— Вы идите.

— Это вы идите! Что вы тут стоите? Вы вообще за кого?, — наседал наш шофер.

— За наших, — с мрачным юморком ответил низкорослый крепкий мужичок. — Ну, а вы за кого?

— Мы тоже за наших... Вот что, мужики, вы бы шли отсюда, а? Нечего вам тут стоять!

— Не ваше дело!

— Ладно, пусть стоят, поехали!

Две пары узеньких, привычно-недоброжелательных и зорких глаз следили, как мы

садимся в машину. Через пять минут, когда мы, еще раз объехав райсовет, проносились мимо этого места, под фонарём никого не было. Двое исчезли. Это почему-то удивило меня. Фонарь, асфальт, бульвар, улица выглядели так, как будто те двое привиделись нам, как будто они были нашей галлюцинацией.

Мы неслись по Петровке, возвращаясь к «своим» — и внезапно увидели выстроившиеся вдоль серой стены шеренги. Явление их было столь

неожиданным и пугающим, что мы замолчали.

Тяжелая, многотысячная, облепленная женщинами и зеваками армия демократов ещё не успела подойти сюда от Моссовета и Тверской. Кто были эти? Сюда, к Свердловскому райсовету, вполне могли подходить не только те, кто собирался его взять, но и те, кто собирался его защищать. Я смотрел в их лица и по лицам пытался понять, за кого они. Но усталый, несвежий, желтоватый свет фонарей придавал всем лицам криминальное выражение и

окрашивал их в тусклые, призрачные тона.

Шофер резко затормозил перед строем и выпрыгнул первый. Мужик в лыжной шапочке, только что такой радостный и самодовольный, опасливо жался к машине, держа правую руку в разрезе куртки, так, как это делает человек, у которого болит сердце.

— Вы чего тут стоите, ребята?, — спросил шофер.

— Ждём!, — с неожиданной

для нас обидой, плаксиво, выкрикнул парень с лицом, какое бывает у людей, занимающихся уличным бизнесом. Выражение наглости и плутовства сменяли друг друга. Он тоже держал руки в карманах — но, очевидно, от холода. — Уже час мы ждём! Надо что-то предпринимать, слушай! Пока люди не начали расходиться!

Мы молча смотрели на него, боясь впрямую спросить, за кого он. Им ничего не стоило за одну минуту захватить машину и нас четверых. Их было не меньше

сотни. Чем бы тут помог «Макаров», за ребристую ручку которого нервно держался наш физкультурник и лыжник?

— Ваш отряд откуда подошел?, — после паузы спросил шофер, самый находчивый из нас. Он спросил это строгим тоном проверяющего.

— От Моссовета. Откуда еще?

Мы переглянулись. Каким образом эти энтузиасты еще час назад очутились тут? Час назад на

площади еще царил хаос, и никаких отрядов не было и в помине!

— Да свои мы, свои!, — понял вдруг он. — Ну руку-то ты достань из-за пазухи, что ты всё за «пушку» держишься? Он стал смеяться.

У людей за его спиной было то равнодушное выражение лиц, какое я уже видел сегодня.

* * *

Напротив дверей райсовета

выстроился отряд из десяти человек. Я смотрел на них во все глаза. Все они были одеты в военную форму разных времен и народов. Их приземистый командир с широкой грудью был перепоясан новенькими ремнями. Он был гимнастерке дореволюционного образца, в фуражке, в синих галифе. Молоденький мальчик лет семнадцати был наряжен американским солдатом второй мировой войны. На голове — зеленая каска, обтянутая маскировочной сеткой, на спине —

прямоугольный ранец, на ногах — высокие шнурованные ботинки, на груди — нашивка, на которой синей шариковой ручкой было выведено крупными буквами: Krasnov. Эта коллекция живых оловянных солдатиков была вооружена чем попало: у одного к ноге в белой обмотке было приставлено игрушечное детское ружьё, другой держал в руке пику, третий — удочку.

— Отряд «Китай-город», смирно!, — хриловатым баском крикнул командир. — Господа,

вперед!

Цепочкой, один за другим, они устремились вперед, к дверям уже взятого райсовета. Мелькнули мимо меня невероятно-серьёзные детские лица, проплыло игрушечное ружьё и маскарадные гимнастёрки с золотыми погонами. Их напор, их уверенность в своем праве ворваться в райсовет были столь велики, что они мгновенно пронзили толпу и исчезли за освещенными дверями.

На улице перед входом в райсовет царил хаос. Свет горел

теперь во всех окнах всех этажей. Казалось, большой серый дом с желтыми окнами гудит невнятицей голосов сотен заполнивших его людей. Одни толпились на ступеньках, другие пытались пройти в здание, третьи спешно выходили из него, четвертые не пускали пытавшихся пройти. Десятки людей просто ждали чего-то, разгуливая по ночной Петровке. Вдруг в ночи возникли две фары и быстро приближались, виляя и подпрыгивая. Автомобиль, мчавшийся посередине улицы, между двумя рядами серых домов

с черными окнами, казался диковинкой в похожем на декорацию городе. Из белого Volvo вышел высокий толстый и очень молодой человек в черной куртке с наклейками и джинсах со множеством кармашков и ремешочков. У него было круглое лицо, два подбородка, обширный живот, который он важно нес перед собой.

— Ребята, я из Интерпола!, — сказал толстый молодой человек в оранжевых ботинках обступившим его людям. — Я к вам

на минутку. Решил заехать к вам по дороге и сказать, что у Белого Дома выдают оружие.

Эта новость ни у кого не вызвала никакого волнения. Люди рассматривали его отчужденно, спокойно. Всё, что он говорил, как будто не имело никакого отношения к жизни — так, слухи с дальней планеты. Светили фонари.

— Всем выдают?, — поинтересовался кто-то. Его голос звучал тихо, слабо, как из очень дальнего далека.

— Всем. Я видел, выдавали по паспортам, по студенческим билетам. Так что вы, я вам советую, можете тоже идти туда и получать. Вам пригодится. Все, ребята, я должен ехать. Извините, но я должен ехать, — повторил он так, как будто его упрашивали остаться. Может быть, в его представлении, в той сияющей картине, которая сейчас существовала в его голове, его действительно упрашивала остаться толпа народа. Никто не произнес ни слова в ответ.

— Подожди. Возьми, чего тебе дам, — сказал шофер «Москвича», парень в картузе, легкой курточке и кроссовках, отводя в сторону одного из ряженных детей. Он достал из кармана и дал ему перочинный нож. Шофер был абсолютно серьёзен. И для него эта ночь была ночью исполнения желаний: он стал, кем хотел — разведчиком, партизаном, связным, выполняющим важные и опасные задания.

Я сел на переднее сиденье, рядом с ним. Мы снова понеслись. Мы вылетели на Садовое и помчались по нему. Изредка нам попадались столь же быстро мчащиеся чёрные «Волги». С ревом и свистом они уносились вдаль. Это были гонцы и связные противоборствующих сторон, вовлеченные этой ночью в сложную военно-дипломатическую деятельность. Широкие тротуары Садового были пусты, знакомые места выглядели чужими и незнакомыми в этот час ночных

фонарей. Витрины смотрели в никуда. За тёмными окнами не было жизни. Спать не хотелось. Мы, как призраки, появились на улицах в ночные часы, и мы лихорадочно спешили, как будто нам было суждено исчезнуть с рассветом. Но до утра было далеко — целая жизнь.

Быстро, как во сне, проплыла слева башня Киевского вокзала, с бледным квадратом часов, стрелки которых показывали ровно два. Шофер, как по наитию, крутанулся по переулкам и

подкатил к зданию Киевского райсовета. Одно окно ярко горело. Ряженые солдатики (их набилось пятеро на заднее сиденье «Москвича»), пригибаясь, побежали под окна первого этажа. По боковой аллее подкатил автобус, набитый основными силами. Сорок мужчин вывалились на улицу через его узкие створчатые двери, и перед зданием райсовета сразу стало шумно и тесно. Раздался грохот — несколько ног и кулаков застучали в запертые стеклянные двери. Никто не появлялся.

— Открывайте!, — новые кулаки обрушились на толстое стекло. За стеной спин я не видел обладателя тихого, едва слышного голоса, который что-то робко отвечал из-за дверей.

— Будем ломать! Ломайте! Быстро пробежал по ступенькам кто-то возбужденный, с железной палкой в руках. Заскрежетал металл, толпа отшатнулась — и ринулась в распахнувшиеся двери.

Я поднялся по ступенькам, подобрал оторванную от двери ручку и с ней в руках вошел в

просторный вестибюль. Гардероб зиял пустыми вешалками с аккуратно развешенными пластмассовыми номерками. Несколько человек побежали вверх, на этажи. Остальные с любопытством бродили по вестибюлю. В углу маленькая пожилая женщина в казенном голубом халате ругалась с наступавшими на неё парнями. В её бледном морщинистом лице не было страха, так же как в их ругани не было подлинной агрессии. Они выясняли отношения как-то вяло, рутинно.

Другая пожилая женщина, тоже в голубом халате, с таинственным выражением лица подошла ко мне. Это была ночная уборщица.

— Председатель райсовета тут, — тихо сказала она. В её глазах появилось что-то подобострастное. — И его зам. Как вы приехали, они побежали на третий этаж.

— Хорошо, — равнодушно сказал я.

Она подождала секунду и

тихо отошла, покорная, как побитая собака.

Вдруг к широким ступенькам райсовета подкатило несколько легковых автомобилей, из них, уже на ходу распахивая дверцы, выскочили люди в касках, бронежилетах и с автоматами в руках и тесной сплоченной группой ринулись в райсовет. Мое отстранение от всего происходящего в эту ночь было столь велико, что я даже не отошел в сторону, чтобы пропустить их. С любопытством

посетителя Диснейленда, который знает, что все чудеса и монстры вокруг него придуманы лишь затем, чтобы попугать и потешить его, я глядел на схваченные напряжением лица под касками, на автоматы с нервно поднятыми стволами. Живое ядро мощно пронеслось сквозь редкую, вяло прогуливающуюся толпу и перед широкой парадной лестницей райсовета рассыпалось в цепь. Они стояли, во все глаза глядя на нас, расставив ноги, приподняв автоматы. Я увидел страх в их глазах и пальцы, лежащие на

курках — перепуганные, ничего не понимающие лимитчики.

Эта была милиция, примчавшаяся по тревоге в райсовет. Высокий офицер в бронежилете, с непокрытой русой головой, свободно, дулом в пол держа автомат в опущенной вдоль тела руке, вошел в вестибюль в полукольце нескольких своих автоматчиков. Его сразу окружила толпа.

— Вы за кого? За Ельцина или за Белый Дом?

— Они за нас, ребята, всё нормально!

— Как там дела в Останкино, вы знаете?

— Говорят, Таманская и Кантемировская дивизии вошли в Москву.

— Ничего, ничего, ребята, они за нас. Они — за президента!

— Ну, разве так можно?, — с укоризной сказал офицер. — Выламываете двери, врываетесь. У нас все здания органов власти на

охране... Вы же сами за законность...

— У нас есть распоряжение мэра, — сказал ему молодой человек по кличке Майор, сбежавший по широкой лестнице милиции навстречу. Он стоял, в полукруге своих сторонников, лицом к лицу с офицером. — Занять и затем опечатать все райсоветы.

Через пять минут милиция уехала, а Майор вышел на улицу. У него была круглая, черная, коротко стриженная голова. Он

улыбался.

— Ну, как дела?, — спросил он скучающих у райсовета добровольцев.

— Что-то нам никто не сопротивляется, — пожаловался ему командир отряда «Китай-город», приземистый широколицый парень в гимнастерке и синих штанах с лампасами.

— Вот сейчас поедem в Октябрьский, — с усмешкой сказал Майор.— Там анпиловцы. Что,

будешь их штурмовать? У них, говорят, и оружие есть.

— Если дадут пару АКМов, то конечно, — отвечал командир. — Так едем?

— Да.

— Господа китайцы!, — молодеческим баском возгласил он. — Становись! Отряд, стройся!

Отряд быстро выстроился в шеренгу. Я снова увидел мальчика в униформе американского солдата, с нашивкой Krasnov и

маленьким черным пистолетиком в руке, другого с удочкой, третьего в пилотке и с железным прутом, четвертого с противогазом, висящим на груди, с оттопыренными ушами и исключительным вниманием во взоре. Рядом с ними стояли какие-то непонятные персонажи в штатском — лысеющие мужики с руками по швам, дюжие добровольцы с мрачными лицами. Все они были созданиями этой безумной ночи, этого русского карнавала, где мальчики с обеих сторон, обрядившись в хаки,

мечтали поиграть в войну на пустынных улицах Москвы.

Глаза командира уперлись в меня.

— Вы почему не встаете в строй?

Я пожал плечами и развел руками.

— Вы из «Китай-города»?

— Нет.

— Ну тогда отойдите отсюда!, — гневно рыкнул он. —

Господа, мы отправляемся к Октябрьскому райсовету... Будем брать анпиловцев в их логове!

III.

На следующее утро была ясная, солнечная, теплая погода, как будто специально заказанная для народных гуляний. Транспорт по Садовому не ходил. Я второй раз за два дня пешком прошагал от Октябрьской до Смоленской и впереди, на пересечении Калининского и Садового, увидел

толпу. Там были кордоны. Я нырнул влево и по Проточному переулку вышел на набережную. Люди стояли тут на бетонных плитах, залезали на валявшиеся тут и там строительные трубы и все как один глядели в сторону Белого Дома. Его громада высилась по ту сторону моста. На башенке торжественно развевался огромный бело-сине-красный флаг и маленький — чёрно-жёлто-белый. Золотые стрелки часов показывали начало одиннадцатого. У людей были

радостные лица. Многие были с биноклями, подзорными трубами, фотоаппаратами. Ещё шагая по переулку, я услышал стрельбу.

У весёлого парня с курчавой химзавивкой я попросил подзорную трубу и навёл её на Белый Дом. Стены очутились прямо перед моим лицом — казалось, их можно коснуться рукой. На пятнадцатом этаже, на снежной белизне, белизне рафинада, было жирное черное пятно гари. Из окон тяжело и лениво сочился дым. Во всех окнах

были опущены жалюзи, стекла выбиты, планки жалюзей перекручены, сломаны. Я отдал трубу и отправился дальше, к эстакаде.

Люди у эстакады стояли густой толпой, подняв головы вверх. Некоторые прогуливались и обменивались впечатлениями. Стрельба непрерывно шла над их головами. Здесь, у эстакады, в ста метрах от Белого Дома, выстрелы звучали очень громко и отчетливо. Их звук нельзя было спутать ни с чем.

Сверху, со стороны мэрии, с её пробитым и обгоревшим этажом, гремели одиночные выстрелы. «Снайпер», — сказал кто-то в толпе. Я внимательно оглядел многочисленные этажи небоскреба, но нигде не увидел никого. Вдруг со стороны Белого Дома ударила очередь — как будто кто-то часто-часто замолотил палкой по листу железа. Люди вокруг меня бросились врассыпную. Толпа на мосту побежала. Теперь загрохотало со всех сторон, хотя я по--прежнему не видел ни одного

стреляющего. В мэрии что-то рухнуло с треском. С оглушительным звоном разбилось выпавшее из рамы стекло. Часть людей спряталась в подземном переходе, часть — под эстакадой. Но никто далеко не уходил, и над бортиком подземного перехода высовывались любопытные лица.

Люди под эстакадой расположились уютно, как на пикнике. Они сидели, подстелив под себя шарфы и газеты, вытянув ноги, поставив рядом с собой банки с пивом и бутылки с

«Фантой». Двое мужчин громко обсуждали, выдержит ли эстакада прямое попадание снаряда. Рядом со мной сидели три парня. — Слышь, мы вообще ничего не знали, понимаешь?!, — тут же с радостным изумлением стал рассказывать один. От него пахло вином, он был худенький, с тощей шей и лягушачьим ртом. — Понимаешь, вообще ничего! Мы утром пришли в «Мир», погудеть. Понимаешь, вошли туда свободно!, — это обстоятельство почему-то вызывало у него восторг. — Как всегда, в бар.

Входим, а в углу сидит мужик с гранатомётом в черной маске! Как пошел нас крыть! Стоять! Назад! Бегом! Это спецназ, короче. И как начал из гранатомета е.... Одна женщина с кухни ну нас прятать. Бегите в туалет, прячьтесь там! Мы легли на пол. Здание — у!-у!-у!! — все гудит и дрожит. Страшно!, — засмеялся он. Из под густых лохм на меня глядела маленькая радостная рожица. — Тут вдруг в дверь вламываются мужики, все пятнистые, с автоматами. — Ребята, отдыхаете? Ха-ха! А мы лежим на

полу в сортире. А они: ха-ха. Ха-ха. И как пошли шмолять из окон!, — восхищённо заключил он.

В голубом осеннем небе прогрохотала очередь. Пули рикошетировали от асфальта, и толпа на мосту шарахнулась в сторону, как испуганная лошадь. — Очередь дадут, мы, блин, упадем и по-пластунски, — радостно рассказывал мужик с красным, как ошпаренным лицом, в расстегнутой куртке, под которой была только клетчатая жёлто-зелёная рубаха. — Вон там,

на мосту, где они сейчас бегают. Колупаемся, ползём. Я уж сегодня на брюхе налезил!

— А убитые и раненые в толпе есть?

— Конечно! Восемь человек уже унесли!, — он показал в улыбке золотой, сияющий зуб.

С дома, стоящего напротив, раздался свист. Там, наверху, над парапетом крыши, торчал длинный и тесный ряд голов. На углу дома, на уступах башенки, на высоте семи этажей над мостовой,

сидели и стояли десятки людей. Это была галёрка. Сейчас галёрка свистом выражала неодобрение ОМОНу в касках и со щитами, начавшему медленно вытеснять толпу с моста. Но толпа не желала уходить, обтекала цепь, упиралась. Кто-то что-то басом закричал в мегафон.

Люди снова выбрались из подземного перехода и стояли толпой, обсуждая происходящее, обмениваясь впечатлениями и перекидываясь шутками. Вдруг толпа зашевелилась, расступаясь.

Сквозь неё размеренным шагом, глядя прямо перед собой, шёл священник в чёрной рясе и черной шапочке на длинных, грязных, рыжеватых волосах. Правая рука со сжатыми в кулак пальцами была в крови. Кто-то невысокий, в черной кожаной куртке, рванулся к нему и засуетился вокруг: «Вы из Белого Дома? А расскажите нам, что там происходит!» — «Да что я вам буду интервью давать!», — продолжая двигаться все тем же размеренным шагом и все также глядя в пространство перед собой, сказал священник. «Мы вывели

людей», — добавил он через шаг, не обращаясь ни к кому и не замечая вившегося вокруг него зеваку. Он уходил в город вверх по Калининскому, а толпа смотрела ему вслед.

Время как будто перестало существовать. День был очень длинный. Небо было гладким и голубым, солнце заливало город ярким светом, ветра не было, за мостом, на набережной, неподвижно стояло облако белого дыма. Никто в толпе не знал, что горит. Возможно, танк. Прямо

передо мной, по асфальтовой дорожке, шедшей вдоль стены Белого Дома, с глухим рокотом поползли два бронетранспортера с поднятыми стволами маленьких башенных пушек. Они были так близко, что я слышал постукивание гусениц по асфальту. Стрельба продолжалась. Она стала частью дня, элементом погоды. В звуке «Калашникова», поставленного на стрельбу одиночными патронами, была приятная, четкая, грозная решительность. Звук пушки бронетранспортёра был не

столько громче, сколько шире и глубже — чувствовалась сила, способная делать дырки в стенах. Со стороны «Краснопресненской» редко, с большими перерывами, стреляли танки. Это были низкие, глухие удары — геологический раскат, глубокое сотрясение.

День замер в своем зените, одинаково-солнечный, однообразно-яркий и умиротворенно-тёплый. Всё вокруг было очень отчётливым: белизна близких стен, цвета флагов, листья деревьев, золото

циферблата на башенке. Я раз от
раза посматривал на часы на
башенке, видел, что стрелки
показывают три минуты
одиннадцатого и не удивлялся
этому. Так и должно было быть.
Это был сон. Тело было лёгким,
как в детстве, с глаз, мозга и души
как будто упала серая тонкая
паутина, и весь мир засиял яркими
и нежными красками, и не было ни
сомнений, ни уныния, и настал миг
счастья. Я бродил и перебегал по
серому асфальту, по мягким
газонам под будоражащие звуки
стрельбы. То, что время все-таки

существует, что часы встали от попадания в башенку снаряда, пришло мне в голову много позже, когда я в последний раз глянул на них, перебегая через усыпанный красной и коричневой листвой газон, поближе к Белому Дому.

* * *

Четверо десантников впереди меня, пригибаясь, побежали к Белому Дому. Я вбежал вслед за ними в перелесок, отделявший Белый Дом от улочки, и в этот момент справа-сверху от меня, из одного

из окон четвертого этажа, загремели выстрели. По их звуку я понял, что стреляют в мою сторону — в меня, в десантников. Я сидел на корточках, прижавшись спиной к парапету, у широкого въезда в подземный гараж. Ворота в гараж были наглухо закрыты. По ту сторону перелеска появились несколько фигур — толпа вслед за солдатами просачивалась к Белому Дому. Я выскочил между деревьями на усыпанный листвой склон и сбежал по нему к стене. Теперь меня закрывал карниз, шедший вдоль всего дома, я был в

мертвой, непростреливаемой из верхних этажей зоне.

Стекла в двух больших, в полтора человеческих роста, окнах были выбиты. К одному была приставлена ржавая погнутая железная лесенка. На асфальте толстым слоем лежало битое стекло. За окнами, в помещениях, было темно и пусто. Десантники, держа автоматы приподнятыми, а пальцы на курках, напряженно смотрели вверх. Офицер в кепи, невысокого роста, стоя на склоне, тоже глядел

вверх и ждал чего-то. Солдаты скользнули по мне взглядами из-под касок — взгляды были растерянные. Они не понимали, кто я, почему я тут, зачем я бегаю за ними. На их потных лицах были красные пятна. Бой разворачивался не так, как их учили. Кто мог учить их вести бой на глазах у публики, не просто благодушно и с любопытством наблюдающей за их перебежками, но и бегающей за ними в атаку?

Они стояли спиной к Дому, держа автоматы наготове, а на

мягком, усыпанном листьями
склоне уже собралась толпа.
Толпа оккупировала весь склон,
сверку доверху — это был хор в
античной трагедии, плебс,
занявший амфитеатр. Солдаты
молча ошалело смотрели на
толпу. Пауза затягивалась. Никто
не знал, чего все ждут.

— Слышите, мужики, а вон
там снайпер сидит!, — обратился к
солдатам чернявый парень в
черной кожанке. — Вон там, вон
там, в том окне!

Солдат тяжело полез по

склону. На его заду оттопыривалась саперная лопатка с маленьким лезвием в чехле. Солдаты были экипированы образцово — каски у них были новенькие, без единой царапинки, ботинки высокие, шнурованные, модные, камуфляж чистенький и руки в шерстяных коричневых перчатках.

— Руцкой! Там Руцкой! Ищет смерти!, — зашелестело по толпе.

Я выбрался наверх, чтобы посмотреть на Руцкого. В ряду разбитых окон с перекрученными

и оторванными жалюзи никого не было. Дом глядел на меня своими окнами молча и тревожно. Стрельба стихла.

— Что-то не нравится мне эта тишина, — сказал толстый дядька в светлом плаще, с «дипломатом» в руке.

На подоконнике выбитого окна первого этажа вдруг появился человек с поднятыми руками. Это был молодой красивый парень в зеленой куртке-дутике, на рукавах которой были белые повязки. Его

фотогеничное лицо и спортивная куртка выдавали супермена. Офицер ловко обшарил его и вытащил из-под куртки большой чёрный пистолет. Толпа взорвалась возмущенными криками. — Сука! Пристрелите его! Гадина!, — возмущенно кричали люди. Молодой человек, прячась от этих криков, поднял высокий воротник куртки. Он стоял, скрестив руки на груди, прислонившись спиной к стене, с бледным лицом — облик плененного, но не сдавшегося Монте-Кристо. Следующий

пленный, невысокий лысый мужик в фуфайке, заляпанной штукатуркой, слез по железной лесенке под оглушительный свист толпы. Защёлкали фотоаппараты, сверкнули вспышки. Мужик, увидев, что его фотографируют, тут же опустил руки. — Чего вы орете, это же рабочий!, — закричала женщина. Солдаты стояли молча и неподвижно, как будто в ожидании чего-то, что должно было случиться. И оно случилось: сверху, на немой доселе, залитой солнцем стене загрохотал автомат. Толпа

бросилась врассыпную.

* * *

Я бродил вокруг Белого Дома по запутанному маршруту. Я сам не знал, где окажусь через четверть часа или час. Дом, с его ослепительно-белыми стенами и вереницами пустых окон, медленно поворачивался ко мне то одним боком, то другим. Вокруг него кипела хаотичная, бурная жизнь: ездили танки и БТРы, бегали солдаты, передвигались толпы. По нему стреляли со всех сторон. Большую часть времени

Дом молчал, но иногда вдруг взрывался ответным огнем, огрызался автоматными очередями. В нём было что-то неповоротливое, обреченное, как в корабле, вытащенном на сушу.

Понять, что происходит, было невозможно. Иногда огонь надолго затихал, и казалось, что сопротивление подавлено, но потом стрельба возобновлялась. Толпа продолжала шелестеть слухами, догадками, предположениями, версиями. Всё это высказывалось с большим

апломбом. «Почему, вы думаете, дивизии Дзержинского нет? Её убрали — она отказалась штурмовать Белый Дом». — «Макашов застрелился. Час назад. Передавали по радио». — «А Руцкой?» — «Руцкой жив». Почему-то все ждали самоубийства Руцкого. — «Вы слышали стрельбу на Калининском? Это к Белому Дому пробиваются на помощь». — «Ну, тогда всё только начинается».

Понять, взят ли Белый Дом или еще сопротивляется, было

тоже невозможно. Он одновременно был взят — и сопротивлялся; бой шел одновременно в нем, вблизи него и вдали от него. Из уст в уста передавалась весть о том, что бой идёт уже на втором этаже; но широкая площадь со стороны главного входа была пустынна, и ни один солдат не решался проникнуть туда. Подразделения кочевали вокруг дома, накапливались то там, то тут, отходили, стреляли, медленно продвигались вперед, останавливались надолго. Все

происходило очень медленно. В одном месте десантники просочились к Дому, а в другом не могли приблизиться к нему. Те, что были у Дома, через некоторое время уходили назад.

Я бродил по перелеску, расположенному в пятидесяти метрах от Белого Дома. Это был очень живописный перелесок. Деревья стояли зелёные, но в их зелени уже проглядывала желтизна. Среди зелёных вдруг попадалось одно, огненно-жёлтое. Кустарник кое-где уже стал

бронзовым, его листья сморщились и стали сухими и падали на зеленую траву, пересыпанную розовыми шариками — головками отцветших цветов. Листва ломко хрустела под ногами. Тут вместе со мной бродили еще десятки людей. Иногда поблизости гремели выстрелы, но на одиночные выстрелы никто не обращал внимания. Смысл и назначение этих выстрелов никому не был ясен. Деревья, со своей густой яркой листвой, создавали ощущение защиты; ложное

ощущение. Солнце пригревало. Атмосфера покоя и тихого задумчивого умиротворения объяла рощу.

На внезапно открывшейся передо мной полянке стояла большая палатка зеленого брезента, за приподнятым пологом которой виднелся неопрятный беспорядок — смятые грязные тряпки. Рядом с палаткой на траве сидел мужчина в штормовке, с открытым круглым лицом. Он поднял глаза и внимательно посмотрел на меня.

На мгновение мне показалось, что мы знакомы с ним, что мы где-то встречались. Ничего не вспомнив, я прошел мимо. На траве, усыпанной палевой листвой, лежали два трупа. Оба на спине. Парень, вышедший на поляну с другой стороны, остановился и с робостью и ужасом на лице стал креститься. Трупы лежали на серой сальной шерстяной подстилке с истрепанными в бахрому краями. Подстилка была в бурых пятнах. Один был в зеленой теплой куртке с воротником, в зеленых брюках и

высоких ботинках. Куртка была поднята так, что скрывала голову. Штанина была разодрана, в ней была видна нога с длинной и толстой коркой запекшейся крови. У неестественно-белых рук были скрючены пальцы. У второго голова была закутана в белую скатерть с бахромой и синим узором по-низу. Одна штанина куцых черных брючек задралась, нога была тонкая. По виду этой тонкой голой ноги легко было представить всю его костлявую, несильную фигуру. Он был в белых посеревших кроссовках,

щиколотки были обтянуты старыми, грязными, пропотевшими красно-серыми носками. На ноге, повыше носка, была чистая розовая рана — как будто кто-то ножом вырезал кусок мяса. Но это был, конечно, не нож — ногу его задела пуля.

Чуть дальше, по другую сторону палатки, в маленьком тёмном шалаше, образованном густо разросшимися деревьями, сидела женщина, поджав под себя ноги. Она пыталась затеять политический спор с мужчиной,

сидевшим еще глубже в листве. Давно ли они тут сидели? Казалось, они, как дети, прячутся тут. Женщина произносила гневные слова о Ельцине и убийцах, но слова эти звучали пусто. В них не было содержания.

— Не надо всего этого, — сказал ей я. — Тут рядом убитые лежат. Это все лишнее.

— У меня там муж!, — сказала она, кивая на Белый Дом.

* * *

Стрельба участилась, выстрелы загремели один за другим. Я, стоя на лужайке, где лежали два трупа, мучительно пытался понять, на что похож звук выстрелов. И не мог найти слов. Слова были литературой, и они не выражали действительности. Автоматные выстрелы были похожи на короткие удары плети. Огонь пушек БТРов — на удары палкой по большому барабану. Но эти сравнения, которые легко приходили мне на ум, были

бледные, плоские. Они ничего не значили. Я впервые в жизни чувствовал бессилии собственных способностей, впервые в жизни не мог выразить в словах то, что видел и слышал. Во всём, что происходило тут, в центре Москвы, в этот ясный и солнечный октябрьский день, было что-то невыразимое, невмещающееся в слова. Это был сон, бред. Всё вокруг, залитое солнцем, было видно ясно и воспринималось отчетливо. И именно в этой отчётливости было какое-то безумие.

Я вышел на край перелеска. Дальше, за низким бетонным заборчиком, лежала площадь перед Домом, на которой я был вчера вечером. Сейчас она была пуста. Напротив главного входа, в двадцати метрах, боком к Дому, стояла БМП. Баррикада, вокруг которой двадцать четыре часа назад копошились люди, по-прежнему висилась на краю площади, никому не мешая и никого не защищая. Нелепое переплетение торчащих под разными углами железных труб, деревянных палок, кусков

колючей проволоки, бетонная плита. Откуда-то появился высокий пожилой мужчина военного вида, в черной куртке с нашивками, в черном кепи, вокруг него стайка взволнованных, с искаженными лицами подростков. Двое держали за ручки брезентовые носилки. Брезент пропитался кровью.

— Ещё остались раненые?, — спокойно спросил мужчина. Он был поджарый, высокий, строгий, как учитель.

— Остался! Ещё один!, — с

отчаянием закричали ему в ответ.

— Четверо с носилками туда!

В тот же миг двое ребят с носилками ринулись в проем в белом бетонном заборчике. Остальные — вслед за ними. Стайка понеслась по пугающе-пустынной площади, мимо брошенных грузовиков с поднятыми капотами, мимо баррикады с воткнутым сверху маленьким красным флажком. БМП стояла неподвижно, как будто вымерла.

— Четверо! Я сказал — четверо!, — закричал мужчина им вслед. Откуда-то сверку раздалась стрельба. Несколько человек, пригибаясь, побежали назад. Их фигуры замелькали в листве. Я перелез через заборчик и, пригибаясь, пошел к небольшой толпе, собравшейся на краю площади, на пригорке. Толпа стояла под огнем на совершенно открытом месте и спокойно рассматривала Белый Дом. В пятидесяти метрах были брошенные баррикады, в тридцати — памятник героям Красной

Пресни, в черных массивных фигурах которого тоже веял красный флажок. В одном из окон Дома висела белая тряпка — скорее всего, сорванная занавеска.

— А вот сейчас кто-нибудь оттуда даст прямо в нас, — благодушно улыбаясь, сказал мне толстяк с «дипломатом» в руке, которого я уже встречал сегодня. — Чего им терять? Ну, на десерт!

Мы засмеялись.

Нас было тут человек

двадцать — принципиальных, испытанных зевак, с утра гулявших под огнем. Мы бесплатно, из любви к зрелищам, делали то, за что американские телевизионщики, несколько раз попадавшие нам на глаза, получали свои большие доллары. Они были в бронежилетах, предусмотрительно припасенных для такого дня, в окружении охранников.

Я послушал, о чем говорят в толпе.

— Вывести бы Макашова

оттуда, б....! Что натворил!

— Спорим на сто «зелёных»!
Я до Белого Дома сейчас дойду!

— Интересно, их до крыши
будут гнать? А с крыши
вертолетами!

— Это БМП или БМД?

— А я из двадцать первой
бригады. Я ж еще вчера вечером в
неё записался. А утром меня
разбудили и сказали: «Беги, беги
отсюда, БТРы шпарят!» А что я
мог сделать? Смотрю, нас от всей

бригады осталось я и два командира...

— Всё это бред пьяного ежа.

— Танк. С Хорошевки бьет. А это артиллерия бьёт на Красной Пресне.

— Это, ребята, гиблое, обреченное место. Тут в 1905 году дрались, в августе и вот сейчас. Место такое.

— Пра-а-аздник! Ну народу ж не каждый день такое выпадает!

— Смотрите!

Сбоку от нас, на захламленном строительном мусором пустыре, за бетонными плитами, в напряженных позах людей, каждое мгновение ожидающих выстрела в свою сторону, прятались несколько солдат. Другие, пригибаясь лицами чуть ли не до земли, неуклюжими перебежками людей, отягощенных касками, бронежилетами, лопатками и автоматами, преодолевали пустырь. Один споткнулся в трех

метрах от укрытия и упал. Каска со звоном покати́лась по асфальту, автомат выпал из рук. У солдатика была белобры́сая стри́женная голова. Его товарищи пробежали мимо, не останавливаясь, он судорожно завозился, подбирая каску и автомат. Даже на расстоянии было видно, как он боится.

— Сейчас начнется, — сказал кто-то. Выстрелы уже непрерывно гремели вокруг. Ни одного стреляющего не было видно.

Толпа с любопытством наблюдала за беготней десантников. Десантники были вооружены, в касках и бронежилетах — и искали укрытий; мы, в плащах и курточках, стояли во весь рост у них на пути. Абсурд происходящего веселил меня. Такой войны, с гуляющей по нейтральной полосе праздничной толпой, я не мог себе представить никогда. Никто, кроме военных, не прятался и не боялся. Стоило стрельбе стихнуть, как люди лезли вперед, радостно посмотреть.

Стоило загудеть танковым моторам, как люди тоже лезли вперед — радостно посмотреть. Гражданская война начиналась как веселое народное гулянье — русский карнавал, праздник жизни, на который все мы сошлись и сбежались как на что-то долгожданное.

* * *

Я очутился в толпе, загнанной стрельбой к гостинице «Мир». Выход отсюда был один — по узкой, обрамленной перилами лесенке вверх. Толпа сбилась в

угол, к стене. Лесенка была забита людьми. Наверху стоял офицер и солдат. Солдат обыскивал всех выходящих. Другой стоял напротив загнанной к стене толпы, наведя на неё автомат.

Это был маленький десантник в большой каске, и в глазах у него было безумие. Перчатку с правой руки он снял, его голый палец лежал на курке.

Я коротал время, ожидая, пока толпа на лестнице рассосётся.

— Слушай, вы откуда?, — спросил я его, стоя прямо перед ним, в трех метрах.

— Назад!, — он испуганно, судорожно дёрнул стволом автомата. Он боялся меня, боялся толпы.

— Ты автомат убери, — сказал я. — Убери, убери автомат. И палец с курка одними. От греха подальше.

Не понимая и не веря, он напряженным взглядом душевнобольного глядел на меня.

— Тебя как зовут? , — очень ласково спросил я. Он замычал. Это уже был успех — мой голос проник к нему, туда, за его стену. Он услышал меня. Его душа разрывалась — глаза видели, что я человек, безумие подсказывало, что я — враг. Он плохо понимал, где он и что происходит.

— Ты не волнуйся!, — сказал ему я, двумя шагами преодолевая разделявшее нас пространство и хлопая его по плечу. — Всё будет хорошо!

Я сделал это так, как если бы

передо мной была нервная, испуганная, готовая оскалиться собака — плавно, решительно, глядя глаза в глаза и поднимая руку ладонью вверх, чтобы показать, что она пустая.

Я заранее расстегнул куртку и планшет. Солдат наверху лесенки быстро хлопнул меня по бокам — и пропустил.

* * *

У гостиницы «Мир» были выбиты стёкла, на стенах — пулевые отметины. В стеклянной

будочке у дверей сидел вахтер. На полочке рядом с ним стоял телефон. Пол вокруг него был усеян битым стеклом, обломками выбитых металлических рам. У телефона на стене висела табличка с номерами: «8-43 — парикмахерская. 8-56 — ресторан...». Я взял трубку и послушал. Гудков не было. Я положил трубку и вышел мимо неподвижного, как в параличе, вахтера. Двор был полон десантников. У всех них на касках было выведено от руки, грубой кистью: «3 ПДР». Один десантник

стоял у стены гостиницы, на углу, подняв автомат, рядом с ним — пьяный тип с запекшейся царапиной на лице.

— Ты не стреляй, — говорил он. — Они приказы отдают, а тебе потом отвечать.

Солдат молчал. Его круглое лицо выражало смущение и мучение. Между десантниками ходил угрюмый здоровый парень в костюме цвета морской волны. Он заговаривал то с одним, то с другим. У него была широкая криминальная рожа. У него был

тут дружок, в каске, синем свитере и с гранатометом за спиной. Брюки и ботинки были у него как у десантников. Эти люди вчера вечером пришли к Белому Дому, чтобы защищать его, а когда БТРы начали стрельбу, выбрались из него и примкнули к десанникам.

Десантники, прикрытые углом дома, молча стояли в ожидании. Чуть поодаль — врачи в белых халатах и два жёлтых с красными крестами «Рафика».

Стоя между «Рафиками», тип с длинной, от лба до рта,

царапиной, кивал мне. Я подошел.

— Хочешь, пойдём с нами? У нас есть.

— Нет.

Они, вместе с громилой в костюме, исчезли.

Вдруг я, с неприятным чувством, понял, что среди трех десятков людей в камуфляже я — единственный в штатском. Через мгновение это понял и десантник. Я слишком долго, слишком бесцельно бродил среди них.

— Ты кто?, — спросил он, подозрительно ощупывая меня глазами.

Я молча смотрел на него.

— Что ты тут делаешь? Открой!

Я расстегнул планшет, руками в теплых шерстяных перчатках он достал мой блокнот и открыл его. Блокнот, планшет, записи... шпион?, — читал я в его неприязненном взгляде. Впервые за весь день я почувствовал себя незащищенным и ощутил

опасность. Арест и избиение пугали меня больше, чем возможное пулевое ранение.

Он мог сейчас просто ударить меня ногой. Или прикладом. Я быстро вытащил из кармана, куртки удостоверение со словом «Пресса». Оно было просрочено на год. Все эти месяцы мне было недосуг продлять его. Я вспомнил об этом с неприятным чувством пустоты под ложечкой.

Тёмно-красная книжечка сильно подействовала на него. Он тут же закрыл мой блокнот и отдал

его мне.

* * *

— Обезболивающее!, —
раздался крик. От Белого Дома
бежали четверо и несли на
носилках человека. Эти четверо
были мальчишки. Бежали они в
ногу, дружно, как четверка
тренированных коней. Врачи
задвигались. Носилки вставили в
«Рафик», в его откинутую вверх
заднюю дверь. От машины скорой
помощи шел резкий,
тошнотворный запах. Я подошел к
машине и, как оператор,

меняющий точки, посмотрел сначала в заднюю дверцу, потом зашел спереди. Я видел серые кудряшки, лицо с острым носом; человек был в синем свитере и джинсах. Он закричал.

— Не вопите!, — грубо приказала склонившаяся над ним сестра. Она большими ножницами резала его свитер прямо посередине. Врач осторожно разнимал в стороны разрезанную ткань. Через минуту «Рафик» резко, с ревом, взял с места и умчался по переулку.

— Вот сюда пуля вошла, — улыбаясь, с выражением удовольствия на полном румяном лице, объяснил мне дюжий врач. Его толстая, как бочка, фигура, была в белоснежном халате, на кармане которого висел значок с фамилией — Руденко. Широкой своей лапой он показал на себе место ранения — слева, ниже плеча, выше сердца.

* * *

Тишина разлетается в клочья. Еще ничего не поняв, я пригибаюсь. Так близко от меня

еще не стреляли. Весь мир, весь воздух, все окрестности наполнены грохотом. Автоматы бьют захлеб, наперебой, — замолкает один, тут же вступает другой, продолжают пять или шесть. Огонь начался так неожиданно, что в первое мгновенья я не успел понять, откуда стреляют. Всё гремит вокруг. Пригнувшись, я отбегаю к стене гостиницы. Туда же отходят врачи, пьяные уголовники, толстый еврей-спасатель в оранжевой строительной каске, поверх которой нахлобучена

тряпка с красным крестом. Я сижу у стены на корточках. Постепенно прихожу в себя, осваиваюсь в страшном грохоте и вижу наконец, кто стреляет. В двадцати метрах за гостиницей — десантники расположилось тесной компанией, как перед объективом фотоаппарата. Офицер стоит за ними. Солдаты, сидя на земле, спинами откинувшись на небольшой пригорок, непрерывно стреляют из автоматов по верхним этажам Белого Дома. Они разряжают туда свои автоматы, они поливают огнем небольшой

кусок пространства. Я взглядом продолжаю линии стволов и понимаю, что пули должны лететь в двадцати метрах над нашими головами. Что они там увидели? Снайпера? Движение? Или просто офицер решил дать им пострелять от души?

Мы стоим, улыбаясь друг другу, как люди, в хороший солнечный день спрятавшиеся под один козырек от легкого дождя. Впереди на площади,— брошенная оранжевая поливальная машина, по боку

которой написано: «Наша Родина — СССР!», парк, в парке, между деревьев, висит красный плакат с белыми буквами: «Победа будет за нами!», баррикада, решетки заграждения, ветки с пожухлой листвой. Серый бетонный столб, на нем табличка автобусной остановки и прямоугольный кусок ватмана с аккуратно выведенными тушью словами: «Наша победа близка!» За огромной толстой катушкой с намотанным неё кабелем спрятались трое американцев, один, в наушниках, держит перед собой серый

микрофон, другой — бритый наголо негр в синей куртке и черных брюках — держит на плече камеру, на которой наклейка с яркими буквами: ABC News, а третий разговаривает по радиотелефону.

— АКМ эту катушку-то пробьёт, — говорит кто-то.

— Нет, не пробьёт. Она двойная, — отвечает чей-то голос.

— АКМ не пробьёт, а снайперская эту катушку пробьёт, — говорит третий голос, голос

уверенного в своей эрудиции знатока.

Спасатель с окровавленной рукой, без каски, с длинными, собранными в пучок волосами, с карточкой на груди, выходит откуда-то из-за наших спин и нервной, дерганой походкой направляется к американцам. Он идет, покачиваясь, по открытому пространству, кровь на его руке сияет, она ярко-красная, как лак, и он кричит, стараясь перекричать грохот пятнадцати автоматов: «Снимайте! Снимайте! Снимайте,

ребята, это гавно!»

октябрь 1993 — март 1994

1 Поздней ночью 3 октября никакие отряды из регионов в Москву не прибывали. Не прибывали они и 4 октября. Возможно, Лев Пономарев имел телефонограммы и телеграммы от провинциальных отделений «Демроссии», которые обещали прислать людей. Но скорее всего, он не имел и телеграмм, а говорил в уверенности, что так будет так должно быть.

2 Это тоже была неправда. В это время, около полуночи, бой в Останкино только начинался. Лгал ли Пономарев умышленно, чтобы хорошей новостью вдохнуть мужество в сторонников Ельцина? Или невольно ошибался, приняв за правду кем-то принесенное известие?